

Василий Москвин, ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ СТИЛИСТИКИ, Москва, Наука, 2016, 277 сс.

Рецензируемая монография представляет собой опыт исследования как общих, так и частных теоретических вопросов стилистики. Они излагаются с учетом античной, средневековой, современной русской и зарубежной научных традиций. На книжных полках ученых и преподавателей имеется немало количество работ по стилистике, во многих из них превалирует учебно-практический аспект. Книга Москвина приносит некий глобальный взгляд на теорию стилистики, изучает весьма широкий круг проблем, в ней – что безусловно очень важно – уточняется и систематизируется категориальный аппарат стилистики.

Книга состоит из трех разделов, второй из которых наиболее содержателен, он включает девять частей. В первом разделе рассматриваются основные понятия стилистики, а именно теория трех стилей в классическом представлении и как понятие современной стилистики, противопоставление высокого и низкого стиля и стилиевые ресурсы этих двух разновидностей, понятия тематического стиля и тематической окраски, понятия функции и функционального стиля, вопрос о стилях языка и стилях речи, вопрос о стилистической окраске языковых единиц и коннотации. В этом разделе уточнена типология языковых стилей. Автор соотносит свой взгляд на установленные в стилистической науке положения с положениями других авторитетных в данной области ученых. С целью раскрыть некоторые идеи автора, остановлюсь на двух интересных частях первого раздела: на бурлескном стиле и на вопросе о стилиевом статусе церковно-религиозной речи. Раскрывая суть бурлескного стиля и устанавливая его типы, автор соотносит бурлеск с *высоким* и *низким*, с *уместным* и *неуместным*. В результате определяет бурлеск как «стиль, основанный на комическом несоответствии содержания и формы речи». Предложенная автором типология бурлескного стиля – на мой взгляд – убедительна. Выделяются три типа бурлескного стиля. Признаком высокого бурлеска автор считает использование средств высокого либо среднего стиля для описания низкой темы, низкий же бурлеск характеризуется эксплуатацией средств низкого стиля для описания возвышенной темы, а также применением языковых единиц нейтрального стиля в описании высокой темы и наконец средний бурлеск, который снижает высокую тему с помощью ресурсов среднего стиля (терминов, канцеляризм, бытовизмов).

Вопрос о статусе церковно-религиозной речи представлен в научной литературе как спорный. Москвин относится к некоторым положениям исследователей и выражает по этому поводу свою позицию. Характеризует церковно-религиозный стиль как явление многоплановое, относящееся к разным функциональным стилям, и объясняет это фактом, что разные речевые жанры названного стиля реализуются в своем, характерном для него ключе. Так, проповедь и послание

– как виды публичной коммуникации – тяготеют к публицистическому стилю, в свою очередь молитва – это жанр на пересечении двух функциональных стилей: как обращение к Богу или святому принадлежит высокому стилю, по своей эстетической функции и по применению богатых изобразительных средств можно ее отнести к художественной речи. Некоторые исследователи определяют стилевую специфику церковно-религиозной речи на основе адресата этой речи. Автор монографии оспаривает такой подход, критерием ее принадлежности к функциональному стилю считает не аудиторию, а прежде всего функцию, какую выполняют религиозные тексты.

Второй раздел монографии посвящен стилистическим ресурсам. Он состоит из девяти частей, в которых анализируются и описываются разнообразные языковые средства, выступающие на всех уровнях языка. Первая часть *Классификация фигур* носит теоретический характер. В ней представлена разработанная автором классификация фигур на основе их соотношения с качествами речи. Учитывая классификации как зарубежных (прежде всего английских и американских), так и российских ученых, полемизируя с некоторыми положениями, в частности с тезисом, что типология фигур строится на основе отклонения от языковой нормы, В. Москвин выявляет свою концепцию. Автор полагает, что классификацию фигур целесообразно строить, используя теорию качества речи. Важными для классификации фигур считает такие параметры оценки речи, как правильность / неправильность, однозначность / двусмысленность, разнообразие / однообразие и. т. д. Все выразительные средства языка – подчеркивает автор – связаны с выполнением или несоблюдением указанных требований к речи; на этом основании автор разделяет фигуры речи на два типа: 1) служащие выполнению таких требований (например, прием ухода от тавтологии реализует требование разнообразия речи) и 2) связанные с нарочитым их несоблюдением (например, фигуры повтора нарушают требование разнообразия речи). В этой же части подробно представлена авторская концепция соотношения фигур с качествами речи. Итак, описываются фигуры краткой и нарочито пространной речи (например, метонимия, эллипсис), фигуры разнообразной и однообразной речи (например, синонимические замены, замена перифразой) обеспечивают разнообразие речи, звуковые же и морфемные сходства влияют на однообразие речи), фигуры абсурдной речи (оксюморон, риторическая катахреза), фигуры ясной (рубрикация, предсказуемость в следовании частей, метабазис, иерархизованное представление информации) и нарочито неясной речи (искусственная книжность и – по определению В. Москвина – использование „техники зауми”), фигуры точной (атрибуция, экспансия, эпифраз, фигура поправки) и нарочито неточной речи (например, мейозис). Я называю лишь часть интересно раскрытых фигур речи. Все они иллюстрируются яркими примерами, происходящими из разных по жанру и времени возникновения источников. Это цитаты из *Мо-*

сковского летописного свода, из произведений выдающихся поэтов и писателей. Иллюстративный материал составляют также рекламы, частушки, выдержки из публицистических статей, из речи политиков (например, Путина, Сталина). Эти разнообразные, выразительные примеры убедительно раскрывают мысль автора, помогают увидеть разницы в построении описываемых фигур.

Следующие части второго раздела – со второй по девятую – представляют характеристику средств словесной образности и ошибок, выступающих на разных уровнях языковой системы. Описываются стилистические ошибки ортосилистики, указывается выразительный потенциал графической стилистики, представляются яркие возможности устной формы речи как предмет изучения фонетической стилистики, изучается экспрессивная окраска слов и словосочетаний как центр лексической стилистики. В части посвященной словообразовательной стилистике, речь идет о видах стилистической окраски аффиксов. Предметом освещения вопросов морфологической и синтаксической стилистики являются выразительные возможности различных словесных форм, синтаксических конструкций и фигур, наконец последняя часть – это стилистика текста. В этих частях систематизируются известные положения стилистической науки, значительное внимание уделяется не вполне удовлетворенно освещенным в специальной литературе вопросам, а также даются новые, предложенные автором, аспекты. Некоторые из них охарактеризую более подробно.

В части *Ортосилистика* автор уточняет статус стилистических ошибок. Обычно они считаются видом речевых ошибок, хотя в научной литературе это положение не является окончательно определенным. Автор считает целесообразным типологию ошибок связывать с типологией норм. Под нормами принято понимать правила выбора и употребления языковых средств. Каждая норма имеет определенный объект регулирования и определенную степень категоричности. На этом основании строится общая типология норм. Первый критерий – объект регулирования – связан с качествами речи, имеется в виду ее правильность, точность, разнообразие, однозначность, уместность, богатство, чистота, благозвучие и другие качества, придающие речи выразительность. По второму критерию – по степени категоричности – автор подразделяет нормы на два типа: прескриптивные и рестриктивные, первые подвергаются кодификации (к их ряду относятся требования правильности и точности). Рестриктивные не обязательны для исполнения, поэтому объектом кодификации не являются. По этому критерию выделяются следующие виды нарушения нормы: тавтология, неблагозвучие, алогизм, неправдоподобие, двусмысленность, неуместность, засорённость, неясность. С целью раскрыть их специфику, приведу некоторые примеры из могографии. Неправдоподобие – в пьесе В. Шекспира «Юлий Цезарь» читаем: «Чу! Бьют часы. Пробыло три часа». Однако башенные часы с боем были изобретены позже (в переводе смешиваются явления разных эпох); к неправ-

доподобию, абсурду ведет катахреза, которая возникает вследствие невнимания к внутренней форме (например, противоречие между внутренней формой одного и смыслом другого слова: **мясорубка для овощей**). Двусмысленность – неоправданный эллипсис: Второй человек «Исламского государства» убит в результате авиаудара (имеется в виду: второй человек в руководстве); В Ираке похищены **жена и дочь двух российских дипломатов**, ср. жена одного и дочь другого дипломата.

Шестая часть второго раздела – *Словообразовательная стилистика* – содержит характеристику выразительных возможностей аффиксов и приемов экспрессивного словотворчества. В ней называются виды стилистической окраски аффиксов. Поскольку автор охватывает в своем изложении все явления стилистики, все стили, все типы стилистических языковых средств, то, естественно, в монографии описывается также уже известное, изученное, однако некоторые положения трудно принять безоговорочно. Например, отдельным аффиксам приписывается экспрессивная функция, которая, кажется, не соответствует актуальному восприятию образованных с их помощью слов. Усеченные дериваты типа *трешка*, *высотка*, *фотка* верно характеризуются как образования со сниженной окраской, но вряд ли можно согласиться, что такие слова «нередко несут печать вульгарности». Думается, что в настоящее время они воспринимаются иначе. Отмечая их вульгарную печать, автор ссылается на оценку авторов *Русской разговорной речи*, изданной в 1981 году. С этого времени многое изменилось, ведь язык постоянно находится в динамике, разного рода резкие краски сглаживаются, меняется оценка экспрессии говорящих.

Эта часть содержит весьма интересные толкования, в ней очень увлекательно, с яркими примерами представлены приемы экспрессивного словотворчества в создании окказионализмов, а именно 1. Скорнение – объединение общим звуковым компонентом слов или их частей: аром**а**гия кофе (< аром**а**(т) + ма**г**ия); сельдер**о**шек (< сельдер**е**(й) + (го)**р**ошек; Банд**ю**кович пэрэмог Тимо**ш**енницу < прост. Банд**ю**к + (Ян)**у**кович, Тимо**ш**ен(ко) + мо**ш**енница. 2. Параморфоза – замещение части слова близкозвучной единицей: **прихват**изация, **Бе**н**зо**образие, **гр**езидиум, со**цр**олялизм. 3. Метатезное образование – взаимная перестановка частей контактирующих слов: кнутренний вризис, дед Снегур и Морозочка. 4. Рифмованное удвоение: танцы-**ш**манцы. 5. Макароническое словообразование – соединение разноязычных морфем: коекакер, старушенция. 6. Столкновение стилистически разнородных морфем, в результате чего возникает бурлескная лексика: непотопляемость, рукоподнимаемость.

В третьем разделе под заглавием *Функциональные стили* характеризуется пять основных стилей, можно сказать, что изложение представляет собой традиционную трактовку. В этом разделе приводятся концепции виднейших стилистов (Л. Щербы, В. Виноградова, Н. Шведовой, О. Лаптевой, Т. Винокур, М. Ко-

жиной, Р. Будагова, В. Мурат, И. Голуб, А. Васильевой и многих других). Более подробно остановлюсь на вопросах о разговорном стиле, особенно о кодифицированности разговорной речи, а также о стилевом статусе художественной речи.

Москвин рассматривает соотношение понятий «разговорный стиль» (РС) и «разговорная речь» (РР) и вносит в их толкование определенный порядок. В научной литературе разногласие в их трактовке наблюдалось уже давно, в некоторых трудах эти понятия выступают как синонимы, поэтому их разграничение, уточнение является весьма существенным. Термин РР используется в широком и узком смысле. Понимаемый в широком смысле, по отношению к норме распадается на две разновидности: нелитературную (просторечие, жаргоны и диалекты) и литературную. Под разговорным стилем (РС) принято понимать именно литературную разновидность. По мнению автора, подразделение РС на «разговорно-литературный» и «просторечно-фамильярный» нелогично, так как подразумевает включение в стилевую систему литературного языка нелитературных компонентов. Между тем РР объясняется как «непринужденная неподготовленная речь носителей литературного языка» (Е. Земская). Отличающим экстралингвистическим признаком РР является стремление говорящего к экономии усилий, с этим связана экономия языковых средств, причем она имеет место на всех уровнях (фонетическом, морфемном, лексическом, синтаксическом). Яркой чертой РР является экспрессивно-эмоциональный характер (использование различных экспрессивных слов, окказионализмов, каламбуров, «сиюминутных» образований, особых формул фатического общения, этикетных формул и т.п.). В репертуаре РР имеются формы, которые за ее пределами не используются, поэтому в грамматиках не фиксируются, т.е. не являются кодифицированными, но вместе с тем они не запрещены ни языковыми, ни этическими нормами, а следовательно имеют нормативный характер. Часть из них, например, фонетическое сокращение (*Пал Пальч*), звательный падеж (*Вань, мам*) некоторыми учеными отрицается. В. Москвин замечает, что системообразующие особенности стиля определяют два фактора: сфера употребления и функциональная нагрузка, и что облик РС как «системы и иерархической организации» определяется двумя базисными обстоятельствами. Итак, сфера употребления РС – ситуации неофициального, непринужденного общения, его функция – именно общение. Таким образом, главная его особенность – это непосредственный контакт говорящих, отсюда ему присуща диалогичность, устная форма. Говоря о кодифицированности речи, автор монографии справедливо констатирует, что по отношению к функциональным стилям логичнее говорить о большей или меньшей степени кодифицированности. РР отличается именно меньшей степенью кодифицированности, в ней выступают языковые элементы отстающие от «демократического» узуса, тем не менее они фиксируются словарями, описываются в справочниках, т. е. кодифицируются.

Вопрос о стилевом статусе художественной речи, несмотря на длительную традицию исследования, не является еще достаточно изученным. Одни не считают его функциональным стилем, другие – признают ему такой статус. Как известно, художественный стиль (ХС) – это особое явление, так как включает разные жанры, разнообразные идиолекты, для их выражения использует средства всего национального языка, в том числе внелитературные элементы (просторечные, диалектные, жаргонные) и иностилевые вкрапления в определенных целях. Они необходимы для реализации изобразительной функции, применяются в характерологических целях. Автор рецензируемой монографии считает, что ХС с его изобразительной и эстетической функциями представляет собой особую систему и следует его рассматривать как цельный функциональный стиль.

В кратком обзоре книги невозможно представить все аспекты, все укрепившиеся в стилистической науке положения. Монография богата информацией, снабжена интересными примерами, показывает стилистические явления в историческом охвате, с привлечением концепций зарубежных и российских корифеев стилистики и их последователей. Книга представляет собой очень интересный труд. Она – несомненно – окажется полезной не только для специалистов, занимающихся русским языком, но и для всех, кто стремится к обогащению своей речи, к соблюдению норм, к умению в соответствующих ситуациях пользоваться выразительными средствами языка.

Halina Bartwicka